

Республиканский конкурс исследовательских работ и сочинений

«Моя семья в истории Великой Победы»

НОМИНАЦИЯ: ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО

РАССКАЗ «ГОРЬКОЕ ДЕТСТВО»

Шугина Дарья, учащаяся 9 в класса

МБОУ «СОШ№ 56» г. Чебоксары

Руководитель: Журавлева Маргарита Геннадьевна,

учитель русского языка и литературы

Чебоксары -2020

Несмотря на кажущуюся временную отдаленность событий Великой Отечественной войны, мы и по сей день помним и говорим о ней. Мне часто вспоминается одна история, рассказанная моим добрым прадедом, Аркадием Осиповичем Шугиным. Событие это произошло в 1941 году.

«Мы с матерью, Антониной Максимовной, жили тогда в деревне Поповка Смоленской области. Мне шел двенадцатый год. Я пристроился у печки. На коленях лежала фотография отца, который ушел в армию, на передовую. Мы долго не получали писем. Мое юное сердце мучил страх за него. Мать сидела у окна. В центре комнаты висела привязанная к потолку люлька. В ней лежал мой бедный братишка, Илюшка. Его душила пневмония и вторые сутки била лихорадка. Мать то и дело кидала озабоченный взгляд на ребенка.

Тишину возмутил грубый и бессовестный стук в дверь. Мы понимали, кто это... Немцы частенько ходили по домам ночью.

Я отворил. Вошел офицер. За ним еще двое. С собой они запустили обширную волну холода. Илюша отреагировал на нее истошным воплем. Я застыл. Было предчувствие какой-то неминуемой беды. Все трое оглядели убранство нашего жилища и обшарили каждый его угол. Было неприятно. Офицер приблизился к матери и прошептал что-то на ухо. К своему огорчению и удивлению, он получил крепкую пощечину и шатнулся в центр комнаты... прямо на люльку. И без того ревевший младенец взял басом.

Офицер оправился и хотел было отойти, но вместо этого сделал шаг назад. Опершись руками о края люльки, оглядел младенца. Рука немца нырнула за пояс, нащупала пистолет и взвела курок. Секунда... и выстрел.

Мать побледнела. Крик, видимо, застыл в ее горле, как и кровь в жилах. Она без шума повалилась на скамью. Офицер окликнул солдат и удалился.

Прошла неделя. О произошедшем я с матерью старался не говорить.

Поздно вечером к нам прибежала соседка и сообщила, что тетка Наталья схватила пневмонию и находится при смерти. Мать, ни секунды не думая, взяла травы, снадобья и старый, но все же надежный и крепкий отцовский кнут для защиты от собак. Она вернулась только утром, какая-то растерянная и бледная.

Входя в дом, даже споткнулась о порог, чего прежде с ней не бывало. Я свалил все на ее усталость. Всю ночь же за больной ухаживала!

Ближе к обеду дверь затряслась от стука. Меня взял страх. Что на этот раз?

На крыльце стояли немецкие солдаты. Всех жителей гоняли на колхозное поле, где уже было много народу. Внезапно всё смолкло. Мы прислушались.

Бас офицера раздавался маршем:

- Все мы скорбим о смерти одного из лучших наших служащих и считаем, что виновный должен понести наказание. Пусть он выйдет из толпы.

Пронесся ропот. Немцы потребовали дать ответ. Его не последовало.

- Выходи, - приказал офицер, указывая на хилого мужика. - Живо!

Тот повиновался. Чёрная офицерская перчатка приподнялась, и дула винтовок всех двенадцати солдат были направлены на несчастного.

Я взглянул на мать. Она стояла, широко раскрыв глаза, и дрожала. Потом резко и громко крикнула:

- Остановитесь! Это я...

Каждая овчинная шапка, каждый колючий шерстяной платок, каждый детский платочек обернулись к ней.

Первой реакцией офицера был визгливый истерический смех. Он сменился сдержанным удивлением.

- Почему я должен верить? Ты всего лишь баба.

- Вы должны были заметить полосу на шее убитого. Это от моего кнута.

- Ты смогла задушить офицера немецкой армии обычным кнутом?

- Хиленький был, хмельной под вечер.

- Какая причина?

- Он убил моё грудное дитя. Для матери это достаточная причина.

- Я мог бы тебя расстрелять, но чувствую, что этого будет мало. О своём наказании ты узнаешь позже. Сама его увидишь, услышишь и почувствуешь.

Слышать о позорной смерти своего сослуживца немцам было тяжело. Погибнуть от кнута, подобно бродячему псу, да ещё по вине русской женщины... Это было выше их понимания.

Я одновременно ужаснулся и восхитился маминой храбростью, а она развернулась и медленно пошла.

Через два часа я с опаской вышел во двор. В воздухе стоял глухой вой. Оглядев соседние участки, заметил женщин. Все они рыдали. Войдя в дом, я нашёл мать в таком же состоянии. Но она, как оказалось, переживала не только свою, а ещё и чужую боль. У окна стояла соседка. Тогда я был благодарен ей, что она находилась в избе вместе с матерью. На что ведь только не способна отчаянная, раненная в самое материнское сердце, женщина.

- Что здесь произошло? Зачем ты плачешь? – спросил я в тот момент маму. Но она не была способна ответить. За неё это сделала соседка:

- Ты слышал, наверное, вой баб по деревне. Они кричат. Кричат, потому что у них убили детей. Всех, кто того же возраста, что и ваш Петька, расстреляли. Матерям, что загораживали собой детей, тоже пуля досталась. У пасечника Ефремова вообще всю семью перебили. К вам тоже приходили. С матерью поздоровались и дальше отправились.

Так страшно мне не было ни до, ни после описанных событий. Следствием праведного гнева женщины, её чистой, заступнической мести, стало горе многих других матерей. Как она взглянет теперь им в глаза? Как на улице покажется?

Так боль моей матери стала болью всей нашей деревни. Война наложила свой кровавый отпечаток на всех: на мать, на еще не смышленного Илюшу и на других, невинных и не связанных с нами общим родственным горем, детей и женщин».

Война касается каждого. Одинокий ли, семейный ли человек, богатый ли, нищий ли, но так или иначе он вовлечён в судьбу своей страны, своего народа. "Чтобы не было перед ним стыдно, никогда не следует ставить свою жизнь выше жизни Отечества", - так учил меня мой прадед и так учит жизнь, доказывая свою правоту на примерах истории.